

Туфли, помада и красный диплом | Les perceptions changeantes sur le statut de la femme russe dans la société

Auteur: Андрей Федорченко, [Аарау](#) , 28.11.2008.

Восточный и Западный женский тип

Цок-цок-цок! Непривычный в Аарау звук заставляет обернуться. Меня обгоняет, обдав парфюмом, роскошная блондинка в короткой юбке, с цирковой ловкостью ввинчивающая шпильки туфель в брусчатку. Я безошибочно узнаю в ней соотечественницу.

L'histoire montre que le statut réel de la femme russe, au sein de la société de son pays, comme à l'étranger, est fort différent de la représentation que l'on s'en fait en général. Les perceptions changeantes sur le statut de la femme russe dans la société

Мой опыт наблюдений за местными дамами позволяет делать некоторые обобщения. Если на улицах Аарау мне встречается женщина в платье, в туфлях на высоком каблуке и тщательно «сделанным» лицом, то в 90 случаях из 100 она - из Восточной Европы или, скорее, из бывшего СССР. Женщина же в туфлях на плоской подошве, в одежде, скрывающей, а не подчеркивающей формы, и без всякого макияжа с той же степенью вероятности окажется уроженкой Запада.

Это, конечно, стереотип, но он отражает сложившийся в обществе стереотип взаимоприемлемого ролевого восприятия: подчеркнутая мужественность -

подчёркнутая женственность. И это касается не только прекрасного пола: с мужским населением на Западе (да и не только) происходит обратная эволюция, молодые люди становятся более андрогенными, теряют «мужские» внешние признаки.

Но меня лично больше интересуют дамы, так что возвращаюсь к ним. Тем более, что именно о них я беседовал с профессором Цюрихского университета Надой Бошковской, давно и серьезно изучающей русских женщин, в частности, 17 века.

С каких глубин времени начало формироваться ролевое поведение? Нада Бошковска утверждает, что в 17 веке законы гарантировали гораздо больше свобод и прав российским гражданкам, чем их современницам на Западе. Последним лучше жилось в Средние века, когда общество было относительно примитивным, а работа домашняя и общественная не имели чёткой границы, так как имущество той или иной европейской страны принадлежало по сути одной персоне – королю. В Новое время, когда Западная Европа стала очень быстро развиваться, а собственность – дробиться, мужчины бросились ограничивать возможности участия женщин в общественной жизни, сужая поле их деятельности до размеров домашнего очага. В России же все осталось, как было, и только во время царствования Петра Великого и позднее правовые отношения стали изменяться.

Парадокс на первый взгляд, но 17-й век, представляющийся нам диким, беспросветным и мрачным, – как и всё до петровской эпохи – оказался почти Золотым веком для Руси, временем наибольшего соприкосновения с Европой.

Параллельно формировались и эстетические каноны женщины в Европе. На всех светских портретах русская женщина румяна и что называется «в теле». Эта её телесность говорит об относительно хорошем питании и общей заботе о плоти.

Теперь вспомните портреты Яна ван Эйка (еще в 15 веке) или Питера Брейгеля: бледные женщины-подростки, женщины-скелетики с редкими зачёсанными волосами, с неестественно выпуклыми лбами. К слову, все современные дорогие изыски французских ресторанов – улитки, устрицы и тд. – следствие той голодной эпохи, когда в пищу употребляли всё или почти всё, что ползало и плавало. Того, что бегало, на всех не хватало.

Немецкий путешественник Адам Олеарий, посетивший Россию в 30-е годы 17 века оставил в своем «Описании путешествия в Московию» (1643) и впечатления о русских женщинах: «Они слишком красивы для этих мрачных мест, стройны и слишком много красятся». В защиту красавиц прошлого напомним, что щедрое использование краски и румян говорило об их желании выглядеть здоровыми – интересная бледность была тогда не в моде.

Рассматривать женщин невозможно вне контекста отношений с мужчинами. С периода Нового времени женщины имели примерно одинаковый статус и в западном и российском обществе. В семье главную роль играл мужчина – кормилец и отец семейства. До обзаведения семьёй он должен был выучиться, сделать карьеру, сколотить (или унаследовать) капитал. И лишь потом он вводил в созданный им мирок женщину, которая рожала ему детей и обустраивала быт.

Но в 1917 году со сменой политического строя пошатнулись и вековые устои в области домостроя: Европа пошла дальше, эволюционируя к сегодняшнему мега-

капитализму, а в России начался второй после Петра эксперимент в социальной инженерии. Государство вмешалось в жизнь общества в целом и его ячейки – семьи – в частности. Оно присвоило себе социальную роль мужчины. И российский мужчина сломался. Октябрьский эксперимент формально уравнил в правах женщин и мужчин. Мужчина как добытчик к условиям уравниловки оказался не у дел, что, впрочем, многих устраивало. Женщина же приспособилась к жизни в тройной роли: добытчицы, матери детей и домашней хозяйки. После падения коммунизма оказалось, что как минимум два поколения российских среднестатистических мужчин деградировали.

Нада Бошковска утверждает, что мужчинам и женщинам в сегодняшней России ещё предстоит долгий путь поиска адекватных социальных ролей в новых условиях. Впрочем, не только в России.

По словам Нады Бошковска, многолетняя борьба феминисток на Западе тоже принесла микроскопические результаты. Для Швейцарии, например, типично, что женщина после замужества тут же бросает работу.

Вот правдивая история из местной жизни. Преуспевающая хирург Б., сделавшая в известном швейцарском госпитале прекрасную профессиональную карьеру, полюбила санитаря Д., человека, находящегося на гораздо более низкой социальной ступени. Богатая и независимая женщина жила со своим другом, скрывая свои отношения даже от близких людей. Для сегодняшних социальных стереотипов на Западе естественно было бы принять факт совместного партнёрства мужчины-хирурга с медсестрой. Но общество не готово пока воспринять обратную ситуацию. Именно поэтому среди женщин, сделавших карьеру, много одиноких – на карьерной пирамиде выбор из тех, кто выше их, предельно мал. Вот и получается, что современная профессионально состоявшаяся женщина более остро ощущает консерватизм современного общества. За свой общественный и профессиональный успех она часто расплачивается несостоявшейся личной жизнью.

Общество меняется медленно. Сложившиеся гендерные отношения, как правило, удовлетворяют мужчин, а среди женщин нет единства в этом вопросе. В Швейцарии, например, очень много женщин, не просто удовлетворённых своей традиционной ролью хранительниц домашнего очага, но и активно отстаивающих её в борьбе с сёстрами-феминистками. Они убеждены, что феминистки подрывают и ослабляют уже завоеванные позиции и дают мужчинам-традиционалистам повод указывать на них пальцем, отрицая обвинения феминисток в мужском шовинизме.

Традиционалист реагирует на женское наступление своеобразно – женится на иностранке, либо расово близкой, но финансово зависимой (из Восточной Европы), либо воспитанной в «отеческом законе» (безответной тайландке или филиппинке). Своеобразный бартер – полное подчинение в обмен на семейный комфорт, личную безопасность, сытость и защиту от потрясений, подстерегающих на родине. Такие «контракты» составляют пока маленькую часть заключаемых браков, но тенденция налицо.

Если в восточноевропейской семье женщина до сих пор играет три роли: карьера – дети – домашнее хозяйство, то в швейцарской наметилась активизация мужчин в, по крайней мере, одной из ролей: воспитание детей. Часто работая неполную рабочую неделю, мужчина вынужден разгрузить жену, но выбрал для начала самую интересную, творческую часть домашних обязанностей. Уборка же пока по-прежнему

женский удел. Ребёнок ответно наградит отца улыбкой, выученным новым словом. Тряпка и ведро не ответят ничем. И всё же крошечный прогресс налицо. Недаром русские жёны швейцарских мужей отмечают их как очень хороших отцов. Восточноевропейская женщина, часто имея высокий образовательный ценз, порой готова выйти замуж за менее образованного европейца. Уравнивает их статус гражданства супруга и более высокий уровень доходов.

Но вернемся, откуда начали, то есть к каблукам и платьям. Исторически сложилось так, что последние три столетия Россия много воевала, теряя значительные ресурсы мужского населения. В 1950 году, напоминает Нада Бошковска, население СССР составляли 56% женщин и 44% мужчин. Вдумайтесь в эти цифры! Охота на спутника жизни, борьба за самого завалющего мужчинку проходила в условиях жёсткой конкуренции и просто вынуждала женщину стараться выглядеть лучше своих подруг. Отсюда, из этой охотничьей повадки, передаваемой с генами бабушек и мам, пожалуй, и выработалось в наших женщинах естественное стремление показать себя сексуальнее, привлекательнее потенциальной или реальной соперницы, а следовательно, победить! Кто знает, может быть встретившаяся мне на аарауской брусчатке девушка тоже шла на охоту. И даже не подозревала об этом.

Главное фото: коллаж из портрета царевны Натальи Алексеевны кисти Ивана Никитина (не позднее 1716 года) и портрета Маргариты ван Эйк кисти Ян ван Эйка (1439)

От редакции. Если Вас заинтересовали рассуждения Нады Бошковской и Вы владеете немецким языком, рекомендуем две ее публикации:

Nada Boskovska Leimgruber: Die Russische Frau Im 17. Jahrhundert
Hardcover, Bohlau, ISBN 341208297X (3-412-08297-X)

"Ein Nobel volck anzusehen". Die Moskoviterinnen im 17. Jahrhundert. In: Die Frühe Neuzeit in der Geschichtswissenschaft. Forschungstendenzen und Forschungserträge. Hrsg. von Nada Boškovska. Paderborn 1997

[здоровье](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/la-vie-en-suisse/tufli-pomada-i-krasnyy-diplom>